

Иван Вырыпаев

Солнечная линия

Комедия, в которой показывается, как может быть достигнут положительный результат.

*Нет никаких ключей от счастья.
Дверь всегда открыта.
Мать Тереза Калькуттская*

*Только то, от чего вы
не можете избавиться,
вы не можете потерять.
Муджи*

*Посвящается моей жене Марусе.
С благодарностью за каждый
день, прожитый вместе.
Иван Вырыпаев*

1-я сцена

Кухня в квартире супругов Вернера и Барбары Солейлайн. Вернер стоит у окна, а Барбара сидит за столом.

Долгое молчание.

ВЕРНЕР. Этой весной.

БАРБАРА. Этой весной?!

ВЕРНЕР. Да, этой весной.

Молчание.

БАРБАРА. Я не понимаю, ты что, все еще надеешься на положительный результат, Вернер?

ВЕРНЕР. Уже пять часов утра, Барбара.

БАРБАРА. Я вижу часы, они на стене, все в порядке.

ВЕРНЕР. Ого! Ты говоришь – все в порядке?

БАРБАРА. Я говорю «все в порядке», имея в виду, что я вижу наши часы на стене, и я вижу, что сейчас пять часов утра, в этом смысле со мной все в порядке.

ВЕРНЕР. Отлично. Пускай хоть в чем-то у нас будет хоть какой-то, еб твою мать, порядок. Пять часов утра, и мы оба наконец-то пришли к хоть какому-то, блядь, общему пониманию – о том, что хотя бы сейчас пять часов утра. Ну и что, Барбара?! Ну и что?!

БАРБАРА. Ну и то, Вернер, что мне кажется это очень странным – в твоём положении надеяться хоть на какой-то положительный результат.

ВЕРНЕР. Я повторяю – этой весной.

БАРБАРА. Этой весной?

ВЕРНЕР. Да, этой весной.

Молчание.

БАРБАРА. А что такого должно случиться этой весной, дорогой мой? С чего это ты вдруг начал так рассчитывать на эту весну? С чего это вдруг ты стал ждать весны, Вернер?

ВЕРНЕР. Да потому что после двадцать четвертого апреля, как тебе известно, мы больше не будем отдавать наши деньги этому, еб твою мать, банку, а будем оставлять их у себя. Тратить их на себя. На свою еду, на свои поездки, на своего ребенка.

БАРБАРА. Какого ребенка, Вернер, ты что, ебанулся, в пять часов утра так шутить?!

ВЕРНЕР. А почему бы нам не завести ребенка, если у нас появятся деньги?

БАРБАРА. А при чем тут деньги?

ВЕРНЕР. При том, что теперь они у нас появятся.

БАРБАРА. А при чем тут ребенок, Вернер?

ВЕРНЕР. При том, что мы можем его завести, если захотим. Если ты захочешь, например. А что касается меня, то я уже давно его хочу.

БАРБАРА. Ты хочешь ребенка, Вернер?!

ВЕРНЕР. А что в этом такого удивительного, Барбара? На седьмом году нашего брака я хочу иметь ребенка, что в этом странного?

БАРБАРА. А то, что мне уже сорок лет, дорогой мой. Семь лет назад надо было думать о ребенке, когда мне было тридцать три. А сейчас пять часов утра, и ты несешь всю эту, прости, хуйню только для того, чтобы еще раз позлить меня и увести в сторону наш разговор, который не может закончиться, потому что ни один из нас не хочет уступать, и уйти тоже не может, хотя уже и пять часов утра, и по-хорошему нам пора расходиться по своим комнатам. Пять часов утра, Вернер.

ВЕРНЕР. Я вижу, сколько времени, часы, как ты говоришь, на стене, так что все в порядке. Все в порядке?! Блядь, ну надо же – все в порядке?!

БАРБАРА. Потому что не нужно забывать о других людях, милый мой! Не нужно смотреть только, блядь, в одну точку, в свой собственный мозг! И вытаскивать из него всякую, блядь, ненужную информацию и разбрасывать ее повсюду. Засыпать ей все вокруг. К тебе же не подступиться, Вернер, потому что от тебя на километр разит информацией о тебе. О том, какой-ты!.. Какой-ты!.. О том, какой-ты. Понимаешь? С тобой хотят поговорить, а ты закрываешься информацией о том, какой ты. И невозможно пробиться через эту информацию. Невозможно войти с тобой в контакт, потому что при первой же попытке проникнуть в тебя натыкаешься на всю эту информацию о том, какой ты. Я такой-то и я такой-то. С кем мне говорить, Вернер? С кем мне говорить?! С информацией о тебе? Я не хочу разговаривать с какой-то там информацией, милый мой, я хочу говорить с тобой. С тобой, понимаешь, а не с информацией о тебе.

ВЕРНЕР. О! В пять часов утра стало попахивать философией! Ты еще начни приводить в примеры своих любимых философов. Осталось только начать цитировать. Кант, Юнг, Хайдеггер, ну, кто там что из них сказал по нашему поводу? Ха-ха! Ну и что же Юнг сказал о том, как нам нужно себя вести в пять часов утра, когда мы с десяти вечера не можем остановиться и уничтожаем друг друга, и не можем ни к чему прийти, но и спать тоже не расходимся, ну и что же по этому поводу говорит наш, еб твою мать, Юнг?

БАРБАРА. Это очень глупо, Вернер.

ВЕРНЕР. А Кант?

БАРБАРА. Глупо, Вернер.

ВЕРНЕР. А Хайдеггер, наверно, сказал бы: «Послушай-ка, Барбара, хватит уже разговаривать с этим человеком, который по какой-то, блядь, неведомой философской случайности семь лет назад сделался твоим мужем, а теперь решил вдруг заговорить о ребенке, не трать на эти пустые разговоры свое время. Этого человека, понимаешь ли, все равно невозможно вернуть к реальности, потому что он, блядь, болен этой, блядь, странной болезнью, потому что он, еб твою мать, болен. Потому что он чувствует себя таким больным, потому что ему, блядь, так больно! Вы

только посмотрите-ка на него! Посмотрите-ка на него. Разве можно на него тратить свое драгоценное бытие?! И свое драгоценное, блядь, время?! В пять часов утра пытаться ему что-то объяснить?! Да что он может понять, этот духовный инвалид?! Он же духовный инвалид, так, Барбара?! Духовный инвалид?!»

Молчание.

БАРБАРА. Это очень глупо, Вернер.

ВЕРНЕР. Да потому что не нужно заикливаться только на себе.

БАРБАРА. Пять часов утра, что ты несешь, Вернер?!

ВЕРНЕР. А может, нужно все-таки попробовать и хотя бы раз в жизни оторвать взгляд от себя и направить его на других. Направить его на другого. На своего мужа, каким бы больным идиотом он тебе ни казался. И вот тогда, возможно, и может состояться хоть какой-то реальный диалог.

БАРБАРА. Реальный диалог, Вернер?

ВЕРНЕР. Хоть какой-то реальный диалог.

БАРБАРА. Ты можешь говорить о реальном диалоге сразу после того, как ты только что произнес всю эту чудовищную ересь о ребенке. После того как ты расковырял всю эту боль. Боль, Вернер! Боль! Какой может быть «реальный диалог», милый, после того, как ты расковырял столько, еб твою мать, боли?!

ВЕРНЕР. Боль – это реальность, Барбара, прими это.

БАРБАРА. Да что ты, еб твою мать, говоришь?! Боль – это реальность! Вернер, милый мой, да ты понятия не имеешь, что такое настоящая боль!

ВЕРНЕР. Да?!

БАРБАРА. Да, мой милый, да!

ВЕРНЕР. Значит, только ты одна в целом мире знаешь о боли, а мне ничего об этом неизвестно?! Значит, я, по-твоему, не испытываю боли, да?! Заебись, дорогая моя! Я рад, что в пять часов утра мы наконец-то пришли к полному, блядь, непониманию! К полному непониманию, Барбара! Ты одна испытываешь боль, а другие нет! Заебись!

БАРБАРА. Я не говорила «другие», Вернер, я сказала «ты», не нужно перевирать мои слова. Ты не испытываешь боли, а про других я ничего не знаю. И у меня, честно говоря, сейчас просто, блядь, нет времени заниматься другими. Пять часов утра, и передо мной мужик, с которым я прожила семь ебанутых лет, которые привели нас к полному, тотальному непониманию. И нет никаких других, а есть только ты и я. Вот и все.

ВЕРНЕР. Ты что, действительно считаешь, что я не испытываю боль?

БАРБАРА. Ты не испытываешь ту боль, которую испытываю я.

ВЕРНЕР. А что же я сейчас, по-твоему, испытываю?! Вот сейчас, здесь, в эту самую минуту?! В пять часов утра?! Что я испытываю, если не, блядь, невыносимую, еб твою мать, боль, от которой мне так невыносимо, что я практически парализован. Пять часов утра, я стою тут посреди нашей кухни, и меня всего просто сковало от невыносимой, нестерпимой, тупой боли. Не знаю, что испытываешь ты, Барбара. Но мне сейчас реально больно так, как никогда в жизни, потому что семь лет жизни под одним с тобой одеялом привели меня в точку абсолютного, блядь, непонимания всего. Абсолютного непонимания всего.

БАРБАРА. Это еще не боль.

ВЕРНЕР. Это гораздо хуже любой боли – это абсолютное непонимание всего.

Молчание.

БАРБАРА. Ну и что.

ВЕРНЕР. Ну и что?!

БАРБАРА. Ну и что.

Молчание.

ВЕРНЕР. Единственное, на что я надеюсь, – это на то, что после двадцать четвертого апреля, когда нам уже не нужно будет больше выплачивать этот кредит, нам станет немного полегче.

Молчание.

БАРБАРА. Оттого, что нам не нужно будет выплачивать кредит, ребенок не появится, Вернер.

ВЕРНЕР. Но он мог бы появиться, если бы захотела.

БАРБАРА. А как я могу этого захотеть, ты в своем уме?! Я не настолько безумна, чтобы вот так вот взять и захотеть ребенка ни с того ни с сего.

ВЕРНЕР. Ни с того ни с сего?! А семь лет совместной жизни?! А наш секс?!

БАРБАРА. Я не хочу сказать про наш секс ничего плохого. Это был вполне себе нормальный секс, иногда чуть лучше, иногда чуть хуже, но в целом – ок. Но давай посмотрим правде в глаза и признаемся в том, что и наш секс, и наши семь лет, прожитые под одним одеялом, и даже окончание нашего кредита – все это не является достаточным поводом для появления ребенка. Согласись, что для появления в семье ребенка нужно нечто большее?

ВЕРНЕР. А что еще нужно семье для появления ребенка, если не семь лет брака, погашение кредита и секс?

БАРБАРА. Нужна боль, милый.

ВЕРНЕР. Абсолютное непонимание всего! Сейчас я испытываю абсолютное непонимание всего.

БАРБАРА. А я испытываю боль.

ВЕРНЕР. А я, можно подумать, ем бабушкин пирог с вареньем?

БАРБАРА. Когда пара хочет ребенка, милый, то мужчина снимает трусы, женщина снимает одежду, мужчина ложится на нее сверху и говорит: «Я хочу ребенка», и они делают ребенка.

ВЕРНЕР. Но я несколько раз именно так и говорил, Барбара.

БАРБАРА. А еще снимают презерватив, дорогой мой.

Молчание.

ВЕРНЕР. Но я чувствовал, что еще не готов. Я чувствовал, что хочу, но что вот еще не сейчас. А теперь я вдруг почувствовал, что, кажется, я готов. Потому что, когда кредит больше не давит тебе на плечи, дышать становится легче, и можно начать думать о продлении своего рода. Пускай наш малыш войдет в этот мир, свободный от кредита своих родителей.

Молчание.

БАРБАРА. Синяя бабочка взлетела с розового цветка и полетела ровно вдоль солнечной линии. И вот именно эта солнечная линия и была тем разделом, той чертой, той стеной, разделяющей на два абсолютно разных мира мою жизнь и его. И синяя бабочка полетела ровно, ровно вдоль солнечной линии. Ровно, ровно вдоль линии. Ровно, ровно.

ВЕРНЕР. У меня нет никаких сомнений, что в глубине души ты хочешь как лучше.

БАРБАРА. Ровно, ровно.

ВЕРНЕР. Но ты хочешь, чтобы это «как лучше» было только для тебя. Ну в крайнем случае ты хочешь, чтобы мне было так же хорошо, как тебе, потому что ты твердо знаешь, как и кому должно быть хорошо, потому что так лучше для тебя.

БАРБАРА. Однажды рано утром, когда ты еще спал, я сидела на краю кровати и смотрела на тебя. И вдруг взошло солнце. И солнечные лучи залили всю нашу спальню, а один солнечный луч, отражаясь от зеркала у кровати, преломил свою траекторию и лег ровно, ровно поперек твоего туловища, Вернер. Ровно, ровно поперек. Солнечный луч ровной линией разделил твое туловище на две части. Прямо в районе поясницы, потому что ты лежал на животе. И вот тогда я вдруг подумала: «Вот этом человеке есть две части. Одну часть я люблю, а вторую мне очень сложно переносить. Как же мне с этим быть?» Я вдруг отчетливо поняла, что это именно так и есть. Две половины, с одной из которых я готова слиться в одно целое, а другая совсем, ну просто совсем несовместима со мной. Как же быть?

Молчание.

ВЕРНЕР. А ты не хотела бы немного потанцевать?

БАРБАРА. Что ты имеешь в виду, Вернер?

ВЕРНЕР. Я имею в виду танец, дорогая. Давай представим, что сейчас играет музыка. Я тебя приглашаю.

Вернер подходит к Барбаре и, протянув ей руку, приглашает ее на танец.

ВЕРНЕР. Барбара?

БАРБАРА. Вернер.

ВЕРНЕР. Ну давай представим, что играет музыка, Барбара.

БАРБАРА. Давай тогда сразу же представим, что мы уже танцуем.

ВЕРНЕР. Ок. Давай, это представим.

Вернер садится за стол напротив Барбары.

ВЕРНЕР. Представляем. Сейчас звучит музыка, и мы танцуем.

Молчание. Долгое молчание. Вернер и Барбара долго, долго молчат. И вдруг почти одновременно они начинают улыбаться. На лицах обоих появляется усмешка, они почти что смеются. Можно сказать, что они смеются.

БАРБАРА. Я почему-то представила, что мы танцуем фокстрот.

ВЕРНЕР. А я вначале вальс, а потом танго.

Молчание.

БАРБАРА. Мне никогда не принять твою вторую половину, Вернер.

ВЕРНЕР. А ты не могла бы просто принять меня таким, какой я есть, с любимой и нелюбимой половинами, всего меня целиком?

БАРБАРА. Нет, Вернер, нам не перейти эту солнечную линию. Мы всегда будем оставаться по разные стороны. И давай уже оставим все эти попытки искать друг в друге взаимопонимание.

ВЕРНЕР. Абсолютное непонимание всего.

Сидят молча. Вернер встает и идет к окну. Смотрит в окно. Барбара встает к разделочному столу у стены, на котором стоит графин с водой. Барбара наливает себе стакан воды. Пьет.

ВЕРНЕР. Уверяю тебя, этой весной все изменится.

БАРБАРА. Уже весна, Вернер.

ВЕРНЕР. Еще только самое начало. Весна еще впереди.

БАРБАРА. Ты имеешь в виду окончание кредита?

ВЕРНЕР. Тут все вместе. И кредит, и конец апреля, ведь ты сама знаешь, что в наших краях настоящая весна начинается в мае, никак не раньше.

БАРБАРА. Нам никогда не перейти эту солнечную линию, дорогой. Отбрось всякие надежды на это.

ВЕРНЕР. А тогда что я, еб твою мать, должен делать? Я что, должен вот так идти, блядь, собирать свои вещи и уезжать из дома?! А потом мы будем делить этот дом?!

БАРБАРА. Никакой дом мы делить не будем, дорогой мой, ты просто оставишь его мне, а себе возьмешь ровно половину всех наших накопленных средств на наших счетах.

ВЕРНЕР. Что-что?!

БАРБАРА. Ну что, пять часов утра, да, Вернер? Самое время приниматься за дележ имущества?

ВЕРНЕР. А с чего это я должен оставлять тебе наш дом?!

БАРБАРА. Потому что это дом моих родителей, о чем тут говорить?!

ВЕРНЕР. Это не дом твоих родителей, дорогая моя, это дом, который твои родители подарили нам на свадьбу! И теперь это наш дом!

БАРБАРА. Но изначально это был их дом. Нашим он может быть только тогда, когда мы вместе, потому что нам его подарили как супружеской паре, а если мы расстанемся, то и дом возвращается обратно к своим прежним хозяевам.

ВЕРНЕР. Ах вот как! Что-то я не помню никакого такого договора! Ни о чем таком мы вроде бы не договаривались.

БАРБАРА. Потому что мы вообще ни о чем не договаривались, а зря.

ВЕРНЕР. И как все это мелко выглядит в пять часов утра.

БАРБАРА. Да, особенно в пять часов утра.

ВЕРНЕР. И тебе абсолютно наплевать на то, что я могу уйти, тебе главное, чтобы только я оставил тебе дом!

БАРБАРА. А ты?! Так вцепился в этот дом! Не можешь даже по-человечески уйти. Схватился за кусок стены и тянешь ее на себя. Дай тебе пилу, так ты прямо сейчас распилишь этот дом пополам.

ВЕРНЕР. А тебе просто наплевать на то, что я могу уйти, тебе главное, чтобы дом остался у тебя.

БАРБАРА. Нет, милый, это для тебя сейчас важнее всего так свалить, чтобы еще прихватить с собой кусок этого дома. Но я хочу сказать тебе, что если ты собираешься уйти и надеешься...

ВЕРНЕР. Я не собираюсь уходить, Барбара! Во всяком случае, не собирался еще несколько минут назад, пока не начался этот разговор.

БАРБАРА. Этот разговор начался в десять часов вечера прошлого дня, а сейчас уже пять утра.

ВЕРНЕР. Я никогда не думал о том, чтобы уйти. Эта мысль первый раз пришла мне в голову несколько минут назад.

БАРБАРА. А вторая мысль, которая тебе пришла, – это то, что неплохо было бы забрать с собой половину этого дома.

ВЕРНЕР. Ты в своем уме, Барбара, я совсем не думал об этом!

БАРБАРА. Ты, думал, Вернер!

ВЕРНЕР. Послушай, я ведь, еб твою мать, лучше знаю, о чем я думал, а о чем нет?!

БАРБАРА. Ничего ты не знаешь, Вернер, ничего! Ты никогда не испытывал и частицы той боли, которую пришлось за эти семь лет ада испытать мне. Ты просто живешь и живешь себе в этом теплом доме, считая его своим. Ты просто живешь и живешь со мной, считая меня своей, ты просто спишь и спишь по ночам, считая эти ночи твоими, считая все эти минуты твоими, все эти годы и дни твоими, всю эту, еб твою мать, бесконечную жизнь твоей. Как же глубоко проходит эта линия, как же бесконечно ненавижу я эту твою вторую половину. И кто это так хуево придумал разделять все на две несовместимые части?!

ВЕРНЕР. А тебе так бы хотелось найти кого-то, на кого можно все свалить?! Обычно Бог является таким беззащитным мудаком, на которого все валят. Так что вали на него! Господь создал всю эту хуевую жизнь, а кто же еще! Но только тебе-то это не поможет, Барбара, потому что где-то в глубине себя ты знаешь, кто все это проделывает. Кто тут по-настоящему все проделывает. Кто тут хитрый кот. Кто тут, еб твою мать, хитрющий кот! Кто тут кричит: «Поймите, поймите меня!», а у самой оргазм наступит после того, как я уйду отсюда, хлопнув дверью. Так что ты прекрасно знаешь, Барбара, кто тот повар, что готовит всю эту еду, кто печет все эти пироги с маком, и хуй его знает, что еще туда добавляют, потому что потом в животе колет так, как будто бурундука напичкали слабительным, и он все обосрал! Повар знает, чем он нас кормит! Ах, только бы ничего тут, еб твою мать, у нас не пригорело, а вышел бы славный пирог. Сладкий, сладкий и мучительный, мучительный пирожок! И нечего ждать, что ветер унесет все эти запахи, нет! Скорее всего, это будет продолжаться еще очень, очень долго. Скорее всего, это будет продолжаться даже тогда, когда это все закончится. Потому что каждое мгновение взрывается, как стеклянная колба, и обливает нас новой болью. Новой, каждый раз особенной болью! И поэтому никто не смеет говорить мне, что я не чувствую боль. Никто не смеет запрещать мне жить и страдать так же, как и другие. Никто не имеет права говорить мне, что я не знаю, что такое боль, потому что боль течет у меня из ушей, из носа, изо рта и из всего полностью меня. Боль течет из всего полностью меня. Полностью, полностью меня.

БАРБАРА. Ну тогда, будь добр, оторви свою задницу и вали отсюда. Вали прямо сейчас! Иди сходи наверх, собери свои вещички и сваливай, а все остальное я пришлю тебе посылкой на тот адрес, который ты укажешь.

ВЕРНЕР. Ага, сейчас, давай именно так я и сделаю! В пять часов утра я вдруг, ни с того ни с сего, как последний мудака, начну выполнять твои приказания. Ага, сейчас я побегу наверх за своей сумкой! Какую же мне, блядь, взять сумку, спортивную или наш желтый чемодан на колесах?! А бритву и мой шампунь ты мне пришлешь по почте, заебись?! Да я просто сейчас возьму тебя, дрянь такая, и вышвырну на хуй из этого дома!

Вернер бросается на Барбару и тащит ее к дверям кухни. Барбара падает на пол, и Вернер буквально тащит ее, как куклу, волочит ее по полу.

ВЕРНЕР. Сейчас мы узнаем, чей это дом и кто тут будет теперь жить, а кого мы, когда пришла весна, как ебаного зайца, выбросим на улицу!

БАРБАРА. Оставь меня! Что ты вытворяешь, ты с ума сошел, Вернер, опомнись!

ВЕРНЕР. Пришла весна, и все зимние вещи мы сейчас засунем на высокую, высокую антресоль!

БАРБАРА. Я сейчас буду звонить в полицию, если ты не прекратишь!

ВЕРНЕР. Кое-кто тут очень любит боль, ну так вот она, боль. Наслаждайся! Любишь боль! Вот и она!

БАРБАРА. Сукин ты сын!

Вернер отпускает руку Барбары и нагибается, чтобы схватить ее за талию, в это же время Барбара дает ему здоровенную пощечину. От удара и еще больше от неожиданности Вернер падает на пол.

Молчание. Вернер и Барбара сидят на полу.

Молчание.

БАРБАРА. Ты такой слабый, Вернер.

ВЕРНЕР. Ну надо же! Что мы тут друг с другом вытворяем в пять часов утра?!

БАРБАРА. Ты такой слабый.

ВЕРНЕР. Я попытался пересечь солнечную линию, и вот получилось то, что получилось.

БАРБАРА. Не нужно ее пересекать, я же сказала тебе, ни к чему хорошему это не приведет.

ВЕРНЕР. Значит, я правда, должен уйти?

БАРБАРА. Тебе решать.

ВЕРНЕР. Но так жить невыносимо.

БАРБАРА. Но расстаться мы, кажется, тоже уже не можем?

ВЕРНЕР. Почему это?

БАРБАРА. Потому что, если ты сейчас уйдешь, то мне придется остаться со всем этим твоим говном, которое ты, конечно, не собираешься забирать с собой. Половину дома моих родителей ты прихватишь, разумеется, а вот все свое говно ты оставишь тут, в моей половине дома. И мне потом придется жить в распиленном напополам доме, наполненном твоим говном, а тебя и след простыл. Ты уже с какой-нибудь телкой в захваченной тобой половине моего дома.

ВЕРНЕР. Нашего общего дома.

БАРБАРА. Дома моих родителей.

ВЕРНЕР. Который они нам подарили.

БАРБАРА. Потому что я вышла за тебя замуж.

ВЕРНЕР. И тем не менее.

БАРБАРА. И тем не менее я не собираюсь жить тут со всем этим говном, которое останется после тебя, поэтому или ты уходишь и забираешь с собой все свое говно, или тогда уже придумай что-нибудь, чтобы мы могли преодолеть эту непреодолимую ситуацию и достигнуть положительного результата.

ВЕРНЕР. Я и так делаю все, что могу, Барбара, но ты же видишь, как у нас пока что получается?! Мы начали в десять вечера, и сейчас, в пять часов утра, мы не только не приблизились к положительному результату, но и, наоборот, удалились от него.

БАРБАРА. Да, мы идем в другую сторону, это очевидно.

ВЕРНЕР. Да потому что ты не поддерживаешь никакие мои попытки войти с тобой в контакт.

БАРБАРА. Какие попытки, Вернер? Что-то я не увидела никаких попыток. Когда это ты сегодня предпринимал попытки войти со мной в контакт? Может быть, когда ты несколько минут назад тащил меня, как куклу, по полу, чтобы вышвырнуть за дверь? Ты о таких попытках говоришь, мой милый?

ВЕРНЕР. Я начал с весны.

БАРБАРА. С весны?!

ВЕРНЕР. Я сказал тебе, что весной все изменится. Я дал нам надежду и дал нам повод для диалога – весна. И наш кредит. Я упоминал о нем несколько раз, обращая твое внимание, что я благодарен тебе за поддержку и помощь в выплате этого кредита. Я благодарил тебя.

БАРБАРА. Что ты делал, Вернер, я не очень поняла тебя?

ВЕРНЕР. Я благодарил тебя за то, что семь лет назад ты поддержала мою идею взять кредит, и что все эти семь лет мы оба вместе выплачивали этот кредит, и что благодаря тебе он наконец-то выплачен, и теперь, после двадцать четвертого апреля, мы снова с тобой свободны от финансовых обязательств. Эта благодарность и есть попытка наладить с тобой контакт, потому что кредит – это то, что нас сближает, и в то же время это то, что мешает нам по-настоящему расслабиться.

БАРБАРА. Ты благодарил меня?!

ВЕРНЕР. Ну конечно.

БАРБАРА. Когда?!

ВЕРНЕР. Ну как это когда?! Ну тогда, когда я говорил о кредите и том, что он скоро закончится.

БАРБАРА. Ты благодарил меня, Вернер?! Когда это было?!

ВЕРНЕР. Ну ты что, снова не слышишь, что я тебе говорю? Я благодарил тебя в тот момент, когда говорил тебе о том, что наш кредит скоро закончится.

БАРБАРА. Подожди, ты что хочешь сказать, что когда ты несколько раз повторял, что двадцать четвертого апреля заканчивается наш кредит, то это была благодарность?

ВЕРНЕР. Ну да! А что же это еще было, по-твоему?

БАРБАРА. Ты что, Вернер? Ты сейчас злишь меня, да?! Специально меня злишь, да?!

ВЕРНЕР. Просто ты меня не слышишь, Барбара.

БАРБАРА. Ты, дорогой мой, кажется сошел с ума. Ты вообще соображаешь, что ты несешь?!

ВЕРНЕР. Сейчас я благодарю тебя.

БАРБАРА. Что?!

ВЕРНЕР. Я хочу обратить твое внимание на то, что сейчас происходит, чтобы потом ты снова не удивлялась и не переспрашивала меня, когда это было? Вот сейчас, в данную минуту, я благодарю тебя. А ты вместо того, чтобы принять мою благодарность и войти со мной в контакт, ты вместо этого кричишь на меня из-за наглухо закрытой двери.

БАРБАРА. Сейчас ты благодаришь меня?

ВЕРНЕР. Да! И я прошу тебя это увидеть.

БАРБАРА. Сейчас ты благодаришь меня, а я этого не вижу, ты это хочешь сказать?!

ВЕРНЕР. Ну вот именно! И я прошу тебя перестать выкрикивать в мой адрес бесконечные оскорбления из-за твоей наглухо закрытой двери.

БАРБАРА. Прости, что я сейчас, по-твоему, делаю, не мог бы ты еще раз повторить?

ВЕРНЕР. Ты выкрикиваешь оскорбления в мой адрес и не хочешь слегка приоткрыть дверь, чтобы услышать мои слова благодарности в твой адрес.

БАРБАРА. Значит, сейчас я кричу на тебя, а ты рассыпаешься благодарностью в мой адрес? Сейчас это происходит, ты в этом уверен?

ВЕРНЕР. Ну конечно! А что, по-твоему, сейчас происходит, дорогая моя?

БАРБАРА. Ну вообще-то я сейчас несколько раз извинилась перед тобой, и, несмотря на мои искренние извинения, ты не обратил на это никакого внимания. Я прошу у тебя прощения, а ты в ответ продолжаешь угрожать мне. Ты ведешь себя как самый последний тиран. Стоишь над своей жертвой, которая приносит тебе свои извинения и просит тебя о пощаде, и усмехаешься своим зловещим смехом, все большее и большее вонзая свои зубы в мое тело, которое, заметь, склонилось перед

тобой в просительной молитве. Я стою на коленях, а ты плюешь мне в лицо. Я прошу прощения, а ты бьешь меня по правой щеке. Вот именно это сейчас и происходит, дорогой мой.

Молчание.

ВЕРНЕР. Ты, Барбара, всегда любишь зайти как можно дальше, чтобы как можно труднее было возвращаться обратно.

БАРБАРА. Все дело в том, Вернер, что на этот раз я не собираюсь возвращаться. Я хочу хотя бы раз в жизни дойти до конца.

Молчание.

ВЕРНЕР. Тогда давай еще немного потанцуем, дорогая.

БАРБАРА. Нет, спасибо, кончится это тем, что ты снова будешь таскать меня за руку по полу, как куклу.

ВЕРНЕР. Мы просто закроем глаза и представим, что мы танцуем.

БАРБАРА. Ну я не знаю, Вернер.

ВЕРНЕР. Закрывай глаза, Барбара.

БАРБАРА. Ой, чувствую, не нужно мне этого делать.

ВЕРНЕР. Закрывай глаза.

Молчание. Барбара и Вернер сидят с закрытыми глазами.

ВЕРНЕР. Сейчас мы танцуем.

БАРБАРА. Мне очень приятно.

ВЕРНЕР. Что это за танец, Барбара?

БАРБАРА. Вряд ли у этого танца есть название. Кажется, он мог бы называться «нежная нежность».

ВЕРНЕР. Наверное, в этом танце мы слишком сильно прижимаемся друг к другу.

БАРБАРА. Но я танцую не с тобой, Вернер.

ВЕРНЕР. В каком смысле, Барбара?

БАРБАРА. Прости, мне, наверное, нужно было сразу сказать тебе об этом, но как только мы закрыли глаза, передо мной сразу же появился какой-то очень, очень классный мужик. И когда ты сказал «сейчас мы танцуем», этот мужик подхватил меня именно так, как я всегда мечтала, чтобы меня подхватил какой-нибудь классный мужик. И мне стало очень хорошо, Вернер. Может быть, за много, много лет жизни первый раз мне стало так по-настоящему хорошо.

Молчание. Сидят с закрытыми глазами.

БАРБАРА. Прости, что я сразу тебе не сказала, что я танцую с другим мужиком.

Молчание. Сидят с закрытыми глазами.

ВЕРНЕР. Разве ты не видишь, что ты в лесу, Барбара?

БАРБАРА. Конечно вижу, Вернер. Я в лесу.

ВЕРНЕР. Ты в лесу, Барбара.

БАРБАРА. Да, я в лесу. И мне здесь вполне себе нормально. Во всяком случае, мне здесь гораздо лучше, чем там с тобой на кухне.

ВЕРНЕР. Отлично! Я очень рад, Барбара, что тебе там, в лесу, хорошо, ну а теперь посмотри-ка вон за то дальнее дерево, а? Ну что ты там видишь? Вон за тем дальним деревом, а?

Молчание.

ВЕРНЕР. Ты смотришь, Барбара? Ты смотри внимательно, дорогая моя, смотри внимательно.

БАРБАРА. Я снова вижу этого классного мужика. Это он стоит за дальним деревом. И вот сейчас он выходит из-за дерева и идет ко мне.

ВЕРНЕР. Ты не туда посмотрела, Барбара! Посмотри в другую сторону, посмотри на дерево, которое находится в противоположной стороне.

БАРБАРА. Сейчас я не могу оборачиваться, Вернер, потому что мужик идет ко мне. И смотрит прямо на меня!

ВЕРНЕР. Но если ты не обернешься и не помотришь на другое дерево, то тебе будет еще хуже, ты наделаешь ошибок. Посмотри, что там за деревом, о котором я тебе говорю, оно находится чуть вдалеке, ровно позади тебя.

БАРБАРА. А я ведь уже знаю, Вернер, что там. Я уже была за этим деревом. А если честно, дорогой мой, то я сейчас как раз и нахожусь за этим деревом. Мне не нужно туда смотреть, потому что я уже тут. И я вижу, как мимо меня проходит такой классный мужик и уходит куда-то вглубь леса, не замечая меня, стоящую за своим деревом. Вот такие вот классные мужики ходят по нашему лесу. Ходят и не замечают нас, скромных, глупых баб, спрятавшихся за своими деревьями. Ха-ха!

Барбара смеется.

ВЕРНЕР. За этим деревом ты спрятала свою ложь, Барбара.

БАРБАРА (*сквозь смех*). За этим деревом я спрятала очень многое, милый мой.

ВЕРНЕР. В том числе и свою ложь.

БАРБАРА (*сквозь смех*). В том числе и мою ложь. В том числе.

ВЕРНЕР (*взрывается*). В том числе и твою ложь о том, что ты знаешь, зачем ты живешь! Ложь про то, что ты, еб твою мать, разбираешься тут во всем! Что ты, блядь, понимаешь, о чем ты говоришь! Что ты тут живешь и что ты тут, еб твою мать, ответственна за все это. Это ложь, Барбара! И ни один классный мужик не западет на тебя, потому что от тебя за километр разит этой ложью.

БАРБАРА. Ну и что, Вернер, ну и что?

ВЕРНЕР. А то, что ни хера ты знаешь! Ты почти ни о чем понятия не имеешь! Ты просто прикидываешься, что ты тут типа в курсе всего, а на самом деле ты даже самых простых вещей не понимаешь, что, например, нужно заряжать свой мобильный телефон на ночь, иначе завтра ты выйдешь из дома с разряженным телефоном и до тебя снова будет не дозвониться.

БАРБАРА. Ну и что, Вернер?!

ВЕРНЕР. Ну и что, Барбара?!

БАРБАРА. Ну и что?!

ВЕРНЕР. А то, что до тебя не дозвониться!

БАРБАРА. Ну и что?!

ВЕРНЕР. Ага, значит, пусть все это развалится на хуй, на мелкие части?!

БАРБАРА. Ну и пусть развалится, Вернер, все в порядке.

ВЕРНЕР. Все в порядке?!

БАРБАРА. Все в порядке, в смысле, что все идет так, как идет. Если нужно, чтобы все это развалилось, то значит, пускай все развалится, все в порядке.

ВЕРНЕР. Ок! А что с этим мужиком, Барбара?
БАРБАРА. Который ушел в лес?
ВЕРНЕР. С которым ты танцевала?
БАРБАРА. Это один и тот же мужик.
ВЕРНЕР. Ну и что с ним?
БАРБАРА. Хуй его знает, Вернер, кажется, он где-то потерялся там, в темном лесу.
ВЕРНЕР. Ты точно его не видишь?
БАРБАРА. Я его не вижу, дорогой, а что?
ВЕРНЕР. Тогда можно, я приглашу тебя на танец?
БАРБАРА. Попытка номер три, Вернер?
ВЕРНЕР. Может быть, на этот раз получится?
БАРБАРА. Ну ок, милый, давай попробуем в третий раз. Давай потанцуем.

Молчание. Сидят с закрытыми глазами.

ВЕРНЕР. Ого! Не ожидал, что ты так быстро перейдешь к поцелую.
БАРБАРА. Что-что?
ВЕРНЕР. Мы давно уже так не целовались. Прости, я не могу с тобой говорить, Барбара, потому что мы с тобой сейчас крепко целуемся.
БАРБАРА. Вернер?!
ВЕРНЕР. Ты первая это начала.
БАРБАРА. Но все это только в твоём воображении, дорогой.
ВЕРНЕР. Какая разница, в чём это воображении, главное, что это происходит.
БАРБАРА. Ну Вернер?!
ВЕРНЕР. Вот так вот, Барбара, вот так вот.

Молчание. Барбара открывает глаза.

БАРБАРА. Что-то раньше я не замечала, что ты так хорошо целуешься, Вернер. Где ты так научился, явно не со мной?
ВЕРНЕР. Того мужика точно нет поблизости, Барбара?
БАРБАРА. Нет никакого мужика, милый, продолжай.

Молчание. Вернер открывает глаза.

ВЕРНЕР. Ну как-то вот так, дорогая моя.
БАРБАРА. Где ты этому научился, Вернер?
ВЕРНЕР. Я все это умел, просто ты не замечала этого, как и все остальное во мне. Мы ведь с тобой, Барбара, еще даже и не познакомились, несмотря на то, что проспали под одним одеялом семь лет.
БАРБАРА. Для первого знакомства ты неплохо целуешься, дорогой.
ВЕРНЕР. О! Ты еще очень многое можешь узнать обо мне, если захочешь.
БАРБАРА. Ну допустим, я хочу, Вернер.
ВЕРНЕР. Ну допустим, я согласен попробовать еще один раз.
БАРБАРА. Но только это уже точно в последний раз, милый?
ВЕРНЕР. В последний раз, Барбара. В последний раз.
БАРБАРА. Уже пять часов утра, Вернер, и нам пора к чему-то прийти или просто разойтись по комнатам.
ВЕРНЕР. Давай в последний раз попробуем к чему-то прийти.
БАРБАРА. В последний раз, Вернер, в самый-самый последний раз.

Молчание.

ВЕРНЕР. Ну ок. Тогда я спрошу – какова твоя цель, Барбара?

БАРБАРА. Моя цель в чем?

ВЕРНЕР. Во всем, Барбара. Какова твоя главная цель? К чему ты идешь?

БАРБАРА. Ах, ты в этом смысле, дорогой? Ты хочешь узнать от меня, в чем смысл жизни?

ВЕРНЕР. Я хотел бы узнать, в чем смысл твоей жизни.

БАРБАРА. И ты хочешь, чтобы я сказала тебе, в чем моя цель? Чего я хочу достичь?

ВЕРНЕР. Если тебе это не сложно, Барбара, я бы очень хотел послушать тебя.

Молчание.

БАРБАРА. Хм! Возможно, что я и могу, Вернер.

ВЕРНЕР. Я был бы тебе очень признателен.

БАРБАРА. Возможно, что я могу.

ВЕРНЕР. Это бы мне очень, очень помогло.

БАРБАРА. Ну хорошо, сейчас... Мне нужно немного подумать.

ВЕРНЕР. Да, да, конечно, ты должна подумать. Я никуда не тороплюсь, как ты понимаешь, если уж мы смогли досидеть до пяти утра, то, я уверен, мы сможем и дальше.

Молчание.

БАРБАРА. Я бы хотела понимания, Вернер.

ВЕРНЕР. И это цель?!

БАРБАРА. Цель – быть понятой, а что тут непонятного, Вернер?

Молчание.

ВЕРНЕР. Значит, ты думаешь, что тебя никто не понимает, да?

БАРБАРА. До конца никто.

ВЕРНЕР. А на сколько максимально тебя понимают, как бы определила в процентах?

БАРБАРА. Хм? На тридцать процентов, я думаю.

ВЕРНЕР. Максимально тебя понимают всего на тридцать процентов. Н-да, не большой процент понимания. А ты бы хотела полного понимания, да, Барбара?

БАРБАРА. Я бы хотела, чтобы процент был другим.

ВЕРНЕР. А каким, Барбара?!

БАРБАРА. Ну, я не знаю, дорогой, мне нужно все как следует взвесить.

ВЕРНЕР. Ну пятьдесят процентов понимания тебя бы устроило?

БАРБАРА. Половина?! Ну нет! Пятьдесят процентов?! Ну нет! Хотя бы семьдесят.

ВЕРНЕР. То есть ты бы хотела семьдесят процентов понимания?

БАРБАРА. Да. Я хотела бы, чтобы меня понимали хотя бы на семьдесят процентов.

ВЕРНЕР. А сейчас все наоборот, дорогая моя, сейчас тебя понимают всего лишь на тридцать и не понимают на семьдесят, да?

БАРБАРА. Ну и к чему ты клонишь, Вернер?

ВЕРНЕР. Я всего лишь задаю вопросы. И мой следующий вопрос такой...

БАРБАРА. А с чего это ты вдруг начал задавать мне вопросы?!

ВЕРНЕР. Потому что для меня это важно. И мой следующий вопрос такой...

БАРБАРА. А с чего это вдруг тебе это стало важно?! Не было, не было важно, и тут вдруг раз – и стало?!

ВЕРНЕР (*взрывается*). Потому что я, еб твою мать, хочу понять тебя! Хочу, блядь, увеличить процент понимающих тебя! А ты, мне, блядь, вставляешь палки в колеса, не отвечаешь на мои вопросы и, еб твою мать, кокетничаешь со мной!

БАРБАРА. Вернер, дорогой мой! На то, чтобы попытаться меня понять, у тебя было семь лет, и, однако, ты не предпринимал никаких попыток...

ВЕРНЕР. Барбара, я все время предпринимал! Я только и делал все эти семь лет, что предпринимал попытки понять тебя!

БАРБАРА. Почему же тогда у тебя не получилось?! За целых семь лет?!

ВЕРНЕР. Да потому что ты не позволяешь мне этого сделать!

БАРБАРА. Я не позволяю тебе понимать меня?! Я тебе не позволяю?! Ты что, совсем ебанулся, Вернер?! Да я все эти семь лет только и делаю, что ищу твоего понимания. Все эти семь лет день за днем я ищу твоего понимания. И...

ВЕРНЕР. И почему же я не могу тебя понять, Барбара, как ты думаешь?

БАРБАРА. Ты занят только собой.

ВЕРНЕР. Ага! Заебись! Я тебя не понимаю, потому что я занят только собой, а ты день за днем занята только мной, только тем, еб твою мать, чтобы я тебя наконец-то понял?! Семь лет ты занимаешь только мной, заебись! Да ты ни разу не посмотрела в мою сторону за все эти семь лет, Барбара! Ты даже, когда мы с тобой трахаемся, смотришь внутрь себя!

БАРБАРА. А ты ни разу не трахнулся со мной без презерватива.

ВЕРНЕР. Потому что я думаю о последствиях! Потому что у меня, еб твою мать, есть интеллект, Барбара.

БАРБАРА. Как же ты закрыт, Вернер! Господи, как же ты закрыт, милый мой! Ну посмотри же на меня, ну хотя бы раз посмотри на меня так, чтобы тебе удалось меня увидеть. Ну увидь меня! Вернер, увидь меня! Из самой моей глубины я пытаюсь докричаться до тебя! Из самой моей глубины, оттуда, где я самая сама, где самое последнее мое я, оттуда я пытаюсь докричаться до тебя! Услышь меня, Вернер! Еб твою мать, Вернер, приподними ты хотя бы на немного свою стену и посмотри на меня, я стою перед твоей стеной, дорогой мой. Я перед твоей стеной. Солнечная линия разделяет нас, я стою прямо перед ней, сделай шаг мне навстречу, переступи эту, блядь, солнечную линию. Не бойся, ничего страшного с тобой не случится. Ты просто перешагнешь через свою солнечную линию и окажешься на моей стороне. С тобой будет все в порядке, ты останешься точно такой, как и был, просто ты сделаешь один шаг мне навстречу, перешагнешь черту и окажешься у меня, и мы теперь будем вместе на одной стороне.

ВЕРНЕР. На твоей? Да, Барбара?

БАРБАРА. Теперь это будет уже наша общая сторона.

ВЕРНЕР. А как же быть с той стороной, которая останется после меня?! Из которой я уйду к тебе, она же останется там совершенно без никого?

БАРБАРА. А тогда, Вернер, уже не будет никакой другой стороны, дело в том, что та твоя сторона вместе с тобой перейдет на мою сторону и станет моей стороной. Как и ты станешь теперь частью моей стороны, так и твоя сторона теперь станет частью... короче говоря, Вернер, все могло бы сложиться очень хорошо для нас обоих, если бы ты сделал этот, еб твою мать, короткий шаг мне навстречу.

ВЕРНЕР. Но мой вопрос звучит так: а почему бы тебе первой не сделать этот короткий и шаг и самой не пересечь эту солнечную линию, как ты ее называешь?!

БАРБАРА. Ну Вернер, ну послушай, сейчас ты опускаешь нашу беседу до какого-то очень низкого стиля, ну милый мой, зачем?!

ВЕРНЕР. Ты понимаешь мой вопрос, Барбара?

БАРБАРА. Еб твою мать, Вернер, ну а ты-то понимаешь, что ты сейчас сильно снижаешь градус разговора?

ВЕРНЕР. Мне на это наплевать, дорогая моя, я бы все-таки хотел, чтобы ты мне ответила. Почему ты считаешь, что именно я должен сделать первый шаг и пойти тебе навстречу? И если ты утверждаешь, что все время ищешь понимания, то почему бы тебе тогда самой не сделать первый шаг и не перешагнуть эту твою солнечную линию, ведь, в конце концов, именно ты ее придумала и установила?!

БАРБАРА. О господи, Вернер, ну зачем ты все так снизил почти до самого пола?!

ВЕРНЕР. Что я снизил, Барбара?

БАРБАРА. Осталось еще спросить, хочу ли я тебя, и вот тогда уже полный заебись!

ВЕРНЕР. Ты меня хочешь, Барбара?

БАРБАРА. Ну Вернер, ну умоляю тебя, ну не в этом же дело.

ВЕРНЕР. Хорошо, а тогда в чем дело?!

Молчание.

БАРБАРА. Дело в том, что вот, кажется, все еще хочу тебя.

ВЕРНЕР. Барбара?!

БАРБАРА. Не понимаю, почему это до сих пор со мной происходит? Но я, кажется, все еще чувствую влечение к тебе. Я ни на что не намекаю, дорогой, я просто отвечаю на твой вопрос. Ты спрашиваешь, в чем дело? А я отвечаю, что дело, еб твою мать, в том, что мы склеены друг с другом каким-то кармическим клеем, и я не могу, не могу, еб твою мать, отодраться от тебя!!! Мы с тобой слиплись, как две ракушки, и не можем разлепиться, и я, блядь, как последняя дура из телесериала, «хочу тебя». Я, блядь, как последняя сучка из телевизора, из этих, мать твою, тошнотворных теленовелл, «я хочу тебя, Вернер!» «В чем дело, дорогая моя?..» – «В том, что я, еб твою мать, хочу тебя». Я все еще, блядь, оказывается, хочу тебя! И вот мы падаем уже на самое, самое дно, и мы уже ниже, чем минус третий этаж, и мы, блядь, в самом, самом низу. «В чем дело, дорогая?!» – «В том, что я хочу тебя!!!» А-а-а! Господи ты боже мой! Ну мы тут с тобой даем, Вернер! «В чем дело, дорогая?» – «В том, что я хочу тебя!» – ну что это такое, как не еб твою мать, красные цветы в вазе на столе?! «В чем дело, дорогая?» – «В том, что я хочу тебя, Вернер!!!» Что это, еб твою мать, как не цветы, которые летят на пол, потому что кто-то, кто-то, кто-то «В чем дело, дорогая?!» – «В том, что я хочу тебя!»?! Кто-то смахнул сразу всю вазу рукой! И теперь она летит вниз! Летит вниз, Вернер! Летит вниз!

ВЕРНЕР. Остановись, Барбара!

БАРБАРА. Поздно останавливаться! Ваза уже летит на пол! Через секунду она разлетится на части. «В чем дело, дорогая моя?!» – «В том, что я, еб твою мать, видите ли, хочу тебя!!!» И ни у кого из нас нет никакой опоры под ногами, и мы, мать твою, висим в воздухе, не касаясь земли, и нет уже, кажется, никакого, еб твою мать, шанса, что мы когда-нибудь воссоединимся с землей. Нет никакого шанса, что мы когда-нибудь коснемся земли ногами и будем твердо стоять на ней. Нам не устоять, Вернер! Нам не перейти эту линию! «В чем дело, дорогая?!» – «В том, что я хочу тебя». Фу!

Барбара устало выдыхает, стоит у окна, закрыв глаза.

Молчание.

Вернер подходит к Барбаре сзади, обнимает ее. Барбара поворачивается, они заключают друг друга в объятия, стоят обнявшись, начинают слегка покачиваться, как будто в такт музыке. Барбара и Вернер танцуют.

ВЕРНЕР. Я спрашивал тебя о цели, потому что если ты не знаешь, куда ты идешь, то ты идешь в никуда.

БАРБАРА. Тебя интересует моя цель, милый?

ВЕРНЕР. Ну да, Барбара, я же уже сказал тебе об этом.

БАРБАРА. Не могу ничего сказать про свою цель, но могу сказать о том, какой у меня план. А план такой: я должна пройти через тебя, чтобы обрести уважение к самой себе и стать святой. Таков план.

ВЕРНЕР. Ну что же, у тебя очень конкретный план.

БАРБАРА. Тебе не нравится?

ВЕРНЕР. Ну почему, вполне себе романтично для разговора в пять часов утра.

БАРБАРА. Ты как будто чем-то недоволен, дорогой мой?

ВЕРНЕР. Пять часов утра, милая, ну что ты хочешь?

БАРБАРА. Но я вижу, что ты как будто недоволен не этим?

ВЕРНЕР. Нет, как раз именно этим, милая. Я ведь тут разбиваюсь о стену твоего непонимания с десяти часов вечера до пяти утра, только, блядь, для того, чтобы помочь тебе стать святой?! Как будто нам в пять утра поговорить больше не о чем, как не о всякой хуйне типа того, что ты хочешь стать святой?! Хочешь, чтобы я помог тебе стать святой? В пять часов утра ты хочешь, чтобы я здесь, на этой, еб твою мать, кухне, сделал тебя святой?!

БАРБАРА. Господи, Вернер, это же метафора, чего ты разозлился?

ВЕРНЕР. Я вижу, что это метафора. И вот именно это меня и бесит – твои, еб твою мать, метафоры в пять часов утра!

БАРБАРА. Чего ты хочешь от меня, Вернер?

ВЕРНЕР. В пять часов утра я задал тебе конкретный вопрос – какова твоя цель, чего ты от меня хочешь, Барбара?

БАРБАРА. А чего ты от меня хочешь, Вернер?

ВЕРНЕР. Это же мой вопрос, Барбара? Это же я его первый задал!

БАРБАРА. Но ведь я уже ответила тебе, ты просто не слушаешь. Я сказала тебе, что я хочу понимания? И теперь у меня точно такой же вопрос к тебе, Вернер, – чего хочешь ты?

ВЕРНЕР. Что ты говоришь, Барбара, на какое, еб твою мать, понимание может рассчитывать человек, решивший стать святым?! На понимание доктора?!

БАРБАРА. Это же метафора, Вернер?

ВЕРНЕР. А на хуя мне здесь нужна эта твоя, еб твою мать, метафора в пять часов утра?!

БАРБАРА. Потому что я ищу в тебе «а ты, дорогая моя, просто брильянт», Вернер, вот почему.

ВЕРНЕР. Что-что?! Что ты ищешь?

БАРБАРА. Я не знаю, как это точно назвать. Я ищу в тебе что-то такое, типа «а ты, дорогая моя, просто брильянт».

ВЕРНЕР. Ты ищешь во мне «а ты, дорогая моя, просто брильянт»? Барбара, ты все время говоришь какие-то невероятные вещи! Ты что, потеряла сознание в пять часов утра? Ты бредишь?! Что это за, еб твою мать, «а ты, дорогая моя, просто брильянт» ты ищешь во мне? Ты что, действительно это ищешь?!

БАРБАРА. Да, милый, да. Для того чтобы быть святой, нужно, чтобы тебе как можно чаще повторяли что-то типа того: «А ты, дорогая моя, просто брильянт».

ВЕРНЕР. И ты хочешь, чтобы это постоянно повторял именно я?

БАРБАРА. Ну а кто еще будет это повторять? Этот мужик, что ли, который заблудился где-то в лесу?

Молчание.

ВЕРНЕР. Когда мне было лет восемь, мы с моим отцом пошли гулять на реку. Мы шли вдоль реки, и нам навстречу из леса вышла старая облезлая лошадь. Мы остановились, и отец, посмотрев на лошадь, сказал: «Смотри, какая красивая лошадь, сынок». А дело в том, Барбара, что эта лошадь была абсолютно некрасивая. Старая облезлая лошадь.

БАРБАРА. Ну и что в этом такого, милый?

ВЕРНЕР. А то, что лошадь была некрасивая, и он сказал это просто так, ради поддержания разговора.

БАРБАРА. Ну и что, Вернер, так все делают, и ты, между прочим, тоже!

ВЕРНЕР. Но я тогда впервые это заметил. Мне было восемь лет, и я впервые увидел, что это такое, когда между людьми нет никакого, блядь, абсолютно никакого живого контакта.

БАРБАРА. Ты это понял в восемь лет, а я поняла это года в четыре, если не раньше.

ВЕРНЕР. Что ты врешь, Барбара, в четыре года дети еще ничего не видят.

БАРБАРА. Они все видят, милый.

ВЕРНЕР. Перестань, я был четырехлетним ребенком и, конечно, ничего не видел, поэтому меня так и поразило то, что мой отец относится ко мне формально.

БАРБАРА. Ну это говорит лишь о том, что с тобой это случилось в восемь лет. А вот когда мне было четыре года и меня в первый раз изнасиловали...

Барбара вдруг взрывается от смеха. У нее самая настоящая истерика смеха.

БАРБАРА (*сквозь смех*). Я пошутила, Вернер, меня никто не насиловал!.. Это глупая шутка, милый мой!.. Вдруг как-то... Вдруг как-то... ха-ха-ха, вдруг как-то пришла в голову такая шутка. В четыре года, когда меня первый раз изнасиловали!.. Это очень смешно звучит, очень!.. Ха-ха!..

С Барбарой случается смеховая истерика, она не может остановиться. Вернер идет к разделочному столу, на котором стоит графин с водой, подходит к Барбаре и выливает ей на голову весь графин. Барбара замолкает. Она сидит на стуле, по ее лицу, рукам и платью стекает вода.

Молчание.

ВЕРНЕР. Может быть, нам пора разойтись по своим комнатам, мне кажется, мы слишком устали для конструктивной беседы?

БАРБАРА. Я не могу уйти, милый.

ВЕРНЕР. Почему, Барбара?

БАРБАРА. А ты можешь уйти, Вернер?

ВЕРНЕР. Но могу ли я мыслить конструктивно, вот вопрос?

БАРБАРА. Перестань, Вернер, в десять вечера, когда мы начали этот разговор, ты соображал гораздо хуже, чем сейчас.

ВЕРНЕР. Дело в том, что я, кажется, окончательно потерял ответ на вопрос – чего я хочу? Для чего мы тут обо всем этом говорим? С десяти вечера до пяти утра, для чего, Барбара?

БАРБАРА. Для того, чтобы был достигнут положительный результат.

ВЕРНЕР. А что это за результат? Ты можешь описать этот результат в двух-трех предложениях?

БАРБАРА. Ну? Конечно, я могу, но...

ВЕРНЕР. В двух-трех словах, ладно?

БАРБАРА. Я думаю, что я смогу, Вернер, но только...

ВЕРНЕР. А то ты сейчас, как всегда, начнешь читать свою бесконечную лекцию.

БАРБАРА. Что ты говоришь, Вернер? Когда я читала тебе лекции?! Да все эти семь долбанных лет я только и делаю, что слушаю твой бесконечный, безостановочный доклад «о смысле жизни». И мне слова не удается вставить, ты сразу же перебиваешь, как только...

ВЕРНЕР. Я тебя перебиваю, Барбара?! Да тебя, когда ты включаешь свое радио, уже никакая сила не в состоянии остановить.

БАРБАРА. Нет, это, еб твою мать, просто невероятно, Вернер, ты не даешь мне говорить, и ты же...

ВЕРНЕР. Никто не может не давать тебе говорить, Барбара, никто! Если уж ты начала говорить, ты не успокоишься и не остановишься, пока все не выскажешь, потому что...

БАРБАРА. Вернер! Ты что, еб твою мать, Вернер! Ты что такое говоришь?! Я не даю тебе сказать, а ты...

ВЕРНЕР. Ты не можешь остановиться, Барбара, и поэтому ты не замечаешь своего собеседника. И ты понятия не имеешь...

БАРБАРА. Я не замечаю своего собеседника?! А можно подумать, что ты...

ВЕРНЕР. Ты требуешь, чтобы тебя услышали, но ты сама...

БАРБАРА. Я ничего не требую, я только хочу, чтобы меня...

ВЕРНЕР. Ты не видишь того, с кем ты разговариваешь, ты...

БАРБАРА. Я только хочу, чтобы меня не перебивали.

ВЕРНЕР. Ты слепа, Барбара, ты абсолютно слепа, и ты...

БАРБАРА. А ты глухой, Вернер, ты абсолютно глухой, хотя ты и...

ВЕРНЕР. Заебись! Пять часов утра, заебись! Беседа глухого со слепой в пять часов утра. Еб твою мать, Барбара!

Молчание.

БАРБАРА. Я же тебе говорю, нам не пересечь эту солнечную линию.

Молчание.

ВЕРНЕР. Пожалуй, что вот в этом я с тобой полностью согласен.

БАРБАРА. Ну хотя бы в чем-то у нас есть согласие.

ВЕРНЕР. Да уж!

БАРБАРА. Хоть в чем-то.

ВЕРНЕР. Еб твою мать, Барбара!

БАРБАРА. Хоть в чем-то.

Молчание.

ВЕРНЕР. И еще я не люблю домашних животных.

БАРБАРА. Ну можно подумать, что я их люблю, дорогой мой.

ВЕРНЕР. Я это знаю, Барбара. Поэтому я и сказал о домашних животных, потому что знаю, что ты их тоже не любишь. Как и я.

БАРБАРА. Но белого хомячка я бы могла завести.

ВЕРНЕР. Как и я, Барбара.

БАРБАРА. И потом, в один из черных дней, я бы отрезала этому хомячку голову прямо на разделочной доске, и потом сварила бы этого хомячка и сделала бы салат из мяса хомячка с листьями латука в сметане.

ВЕРНЕР. Ой, я бы с удовольствием поел такого салата.

БАРБАРА. Перестань, ты же ненавидишь латук.

ВЕРНЕР. Зато я люблю хомяков, Барбара.

Барбара смотрит на Вернера и слегка улыбается.

БАРБАРА. Танцуешь со мной фокстрот, милый?!

ВЕРНЕР. Скорее танго, дорогая.

БАРБАРА. Ну-ну, Вернер!

ВЕРНЕР. И знаешь, о чем я думаю? Как было бы заебись, если бы ты сейчас взяла бы да и умерла. Просто взяла бы и умерла.

БАРБАРА. Отлично, Вернер, вот мы и договорились до самого главного, молодец!

ВЕРНЕР. Да, взяла бы и умерла. Вот так!

БАРБАРА. Отлично! Хочешь моей смерти, да?

ВЕРНЕР. Хочу, чтобы тебя не было. Нигде!

БАРБАРА. И тогда весь этот дом твой, да?

ВЕРНЕР. Да, Барбара, да! Приходишь домой вечером, пьяный и в волшебном настроении, а тебя нет. Нигде!

БАРБАРА. И весь дом твой!

ВЕРНЕР. Главное, что тебя нет нигде. Нигде!

БАРБАРА. И ты приводишь с собой молодых телок, и вы тут трахаетесь на холодильнике и на стиральной машине и катаетесь по полу, наматывая на свои голые жопы пыль от ковра.

ВЕРНЕР. Главное, что тебя нет, Барбара. Нигде!

БАРБАРА. Меня нет, и ты прыгаешь вокруг своих телок, как обдолбавшийся фенотриптиленом кенгуру, а твои бляди засовывают свои трусики в нашу соковыжималку и выжимают сок, и ты пьешь его...

ВЕРНЕР. В мою соковыжималку, Барбара, потому что тебя нет.

БАРБАРА. Ок, милый, в твою соковыжималку! Сок из блядских трусов, и ты пьешь его.

ВЕРНЕР. И тебя нет нигде!

БАРБАРА. И потом вы забираетесь внутрь нашей... извини, твоей стиральной машины, и там вас крутит, как нажравшихся полипрофена мохнатых белок, и размазывает по центрифуге, и вы превращаетесь в теплый пластилин, прилипший к жопе младенца, а младенца-то нет, Вернер! Ха-ха-ха! Младенца-то нет, мой милый! Жопа, пластилин и обдолбавшиеся белки есть, а младенца нет!

ВЕРНЕР. Главное, что нет тебя, Барбара, а все остальное меня вообще не волнует.

БАРБАРА. А младенец-то, дорогой мой, стоит и ждет за дверью, пока его будущий папаша не натешится со своими напичканными метапроптоленом блядами, пока он не закончит кружиться в центрифуге своей стиральной машины, пока он не отстирает свою жопу и жопу своих телок от липкого пластилина. Пока он...

ВЕРНЕР. Мне главное, что тебя нет, вот и все!

БАРБАРА. А младенец стоит и ждет, пока его будущий папаша не сожрет весь этот горький вонючий шоколад!

ВЕРНЕР. Какой шоколад, Барбара, что ты тут, еб твою мать, несешь?!

БАРБАРА. Липкий горячий шоколад, дорогой мой!

ВЕРНЕР. Липкий горячий шоколад, Барбара?!

БАРБАРА. Да, липкий горячий шоколад, Вернер!

ВЕРНЕР. Заебись, Барбара! Вот к чему мы наконец-то пришли в пять часов утра – к липкому горячему шоколаду!

БАРБАРА. Да, Вернер, да!

ВЕРНЕР. Да ты просто объевшаяся говна бактерия, вот ты кто!
БАРБАРА. А ты хитрожопый бурундук!
ВЕРНЕР. А ты вонючая тьма внутри глубокой жопы мерзкого ебливого барсука!
БАРБАРА. А ты обосравшийся кабан!
ВЕРНЕР. А ты мучительный холод!
БАРБАРА. А ты улетающий вдаль детский сон!
ВЕРНЕР. А ты невыносимое стремление все стереть!
БАРБАРА. А ты опасный запах морской воды!
ВЕРНЕР. А ты море, от которого ветру всегда, всегда не по себе.
БАРБАРА. А ты полярная ночь, которая никогда не заканчивается.
ВЕРНЕР. А ты улетающая в ебучий космос телеграмма с просьбой о помощи.
БАРБАРА. А ты кровь из носа.
ВЕРНЕР. Ты смерть, Барбара.
БАРБАРА. Ты можешь быть живым, Вернер.
ВЕРНЕР. Ты можешь умереть, Барбара.
БАРБАРА. Ты можешь поцеловать меня.
ВЕРНЕР. Ты можешь навсегда.
БАРБАРА. Ты можешь когда угодно.
ВЕРНЕР. Ты можешь все.
БАРБАРА. Главное, что ты можешь, Вернер.
ВЕРНЕР. Главное, что тебя больше нет, Барбара.
БАРБАРА. Да, Вернер?
ВЕРНЕР. Да, Барбара.
БАРБАРА. Да?
ВЕРНЕР. Да.

*Вернер подходит к Барбаре, и они соединяются в нежном, нежном поцелуе.
Проходит почти минута. Вернер уходит вглубь кухни, к разделочному столу. Барбара идет к окну.
Молчание.*

БАРБАРА. Нам не перейти эту солнечную линию, Вернер.
ВЕРНЕР. Я знаю, Барбара.
БАРБАРА. Чем же мы тут тогда занимаемся в пять часов утра?
ВЕРНЕР. Думаю, мы просто пытаемся как-то выжить, вот и все.
БАРБАРА. Хоть как-то выжить!
ВЕРНЕР. Ну-да, хоть как-то выжить.

Молчание.

БАРБАРА. А ты что, действительно хотел бы, чтобы я умерла?
ВЕРНЕР. Понимаешь, если бы тебя не было, то мне было бы проще.
БАРБАРА. Но тогда ведь и этого дома у тебя бы тоже не было.
ВЕРНЕР. Да хватит уже об этом, Барбара. Все и так ясно.

Молчание.

БАРБАРА. Но я есть, Вернер.
ВЕРНЕР. И в этом проблема.
БАРБАРА. А может, мне тогда нажраться ибупромина и сдохнуть?

ВЕРНЕР. Ну вот еще! А я потом должен буду сидеть у твоего гроба на виду у всех и выглядеть как последний ублюдок, который довел свою жену до самоубийства?!
Хуевый план.

БАРБАРА. Ну что ты несешь, Вернер? Ну для чего ты несешь всю эту херню с десяти вечера до пяти утра, для чего мы тут с тобой оба несем всю эту херню?

ВЕРНЕР. Чтобы хоть как-то жить, Барбара, чтобы хоть как-то жить.

Молчание.

БАРБАРА. Ну ладно, дорогой мой, с меня, пожалуй, достаточно. Я пойду спать.

ВЕРНЕР. Нет, Барбара, никуда ты не пойдешь, пока мы тут не закончим все наши дела.

БАРБАРА. Ты, что Вернер, с ума сошел? Какие дела ты собираешься тут закончить? Тебе разве еще не понятно, что нам никогда не достигнуть положительного результата, мы только все сильнее и сильнее натягиваем пружину, так что скоро она лопнет, эта пружина, и мы с тобой врежемся друг в друга, как два скоростных поезда. Я пошла спать.

Барбара идет к двери. Вернер вскакивает и встает у нее на пути.

ВЕРНЕР. Нет, Барбара, ты не уйдешь! Никто из нас не выйдет из этой кухни, пока мы тут не закончим все наши дела.

БАРБАРА. Ну чего ты от меня хочешь, Вернер?

ВЕРНЕР. Раскаяния! Признания своей вины! Мольбы о пощаде! Унижений! Хочу, чтобы ты встала на колени и просила о прощении.

БАРБАРА. Ты что, совсем ебанулся, дорогой мой!

ВЕРНЕР. Ты должна попросить у меня прощения, Барбара.

БАРБАРА. За что, Вернер?!

ВЕРНЕР. За семь лет просранной мною жизни.

БАРБАРА. Что-что?!

ВЕРНЕР. Из-за тебя я просрал свою жизнь!

БАРБАРА. Из-за меня?!

ВЕРНЕР. Ну а из-за кого, дорогая моя, может быть, из-за нашего, еб твою мать, соседа, которого я видел всего несколько раз в жизни, потому что он самый, блядь, настоящий мудака?!

БАРБАРА. А почему это он, мудака, Вернер?!

ВЕРНЕР. Да потому что только мудаки, Барбара, целыми днями спят, а по ночам работают хуй его знает где!

БАРБАРА. Откуда ты знаешь, что он днем спит?!

ВЕРНЕР. Да потому что он сам рассказал мне об этом несколько лет назад. «Я, – говорит, – работаю охранником, дежурю две ночи через одну, поэтому я уже привык к этому, еб твою мать, идиотскому режиму, что днем я сплю, а ночью я охраняю эти ебанные важные объекты, как последний мудака». «Вот именно поэтому ты их и охраняешь, потому что ты самый настоящий мудака», – подумал я. Так что, Барбара...

БАРБАРА. За что, Вернер?! За что мне просить у тебя прощения?! За семь лет нашего тотального непонимания друг друга?! За нашего нерожденного ребенка?! За твое невнимание ко мне?! За все те унижения, которые мне пришлось вытерпеть?

За потерянное достоинство?! За то, что ты, еб твою мать, Вернер, за то, что ты ни разу не сказал мне, как тебе было хорошо со мной?! Как тебе по-настоящему было хорошо со мной! За то, что за все эти семь лет нашей невыносимой жизни мы с тобой

всего лишь только один раз шли по мосту. Мы ведь с тобой всего только лишь один раз, Вернер, всего только лишь один раз шли по мосту.

ВЕРНЕР. Что-что?! Ты с ума сошла, Барбара, при чем тут какой-то там мост?!

БАРБАРА. Это был мост в городском парке, сраный ты козел. Мост, на который мы набрели, после того как ты в первый раз объяснился мне в любви! Ты сказал: «Сердце мое сейчас не спит». Только лишь один раз, милый.

ВЕРНЕР. А при чем тут все эти чертовы романтические воспоминания, Барбара?

Сейчас пять часов утра, и я как никогда близок к тому, чтобы задушить тебя!

БАРБАРА. Сердце мое сейчас не спит, ебанный ты мудака, Вернер!

ВЕРНЕР. О если бы ты знала, как я ненавижу тебя, проклятая сучка!

БАРБАРА. О если бы ты знал, как я ненавижу тебя, грязное ты дерьмо!

ВЕРНЕР. Вонючая дрянь! Даже на коленях тебе не вымолить у меня прощения!

БАРБАРА. Ах ты сраный говнюк! Мне просить у тебя прощения?! Да я просто сейчас убью тебя, чокнутый придурок!

Барбара бросается на Вернера и бьет его по лицу. Вернер, закрывается от ударов и, найдя подходящий момент, бьет Барбару кулаком в лицо. Барбара отлетает в сторону, но удерживается на ногах. И снова бросается на Вернера. Завязывается настоящая драка. Барбара и Вернер избивают друг друга, как бойцы в поединке боев без правил. Они избивают друг друга почти что в полной тишине, слышно только тяжелое дыхание и наносимые удары: ногами, руками, головой...

Наконец Вернер и Барбара обессиленные падают на пол.

Валяются на полу.

Молчание.

ВЕРНЕР. Вот теперь все действительно закончено, Барбара.

БАРБАРА. Я знаю, Вернер.

ВЕРНЕР. Если бы у меня были силы, я бы прямо сейчас ушел спать.

БАРБАРА. Нет сил даже на то, чтобы спать, Вернер.

ВЕРНЕР. Но ведь должен же был быть какой-то способ, Барбара?

БАРБАРА. Какой способ, Вернер?

ВЕРНЕР. Способ перейти эту чертову солнечную линию в этом проклятом мире, где все поделено ровно на две части?

БАРБАРА. Похоже, что такого способа нет, дорогой, иначе все бы им воспользовались и перестали бы срать друг другу на головы.

ВЕРНЕР. Но я пытался не срать, честное слово, я пытался найти этот способ, Барбара.

БАРБАРА. Все пытаются, Вернер. Все только этим и занимаются с утра до ночи, но заканчиваются все эти попытки всегда одинаково – сраньем.

ВЕРНЕР. Иногда мне казалось, что я подошел к тебе уже так близко, но кто-то вставал между мною и тобой и не давал мне пройти.

БАРБАРА. Ты снова сейчас все сведешь к тому, что этим «кто-то» была я, да, милый?

ВЕРНЕР. Раньше я и правда так думал, но сегодня в одном очень важном моменте нашего разговора я вдруг ясно увидел, что этот «кто-то», который мешает мне пройти, – это и есть я сам.

БАРБАРА. Наверное, ты понял это тогда, когда представлял, как мы танцуем?

ВЕРНЕР. Нет. Тогда, когда я тащил тебя по полу, чтобы выбросить за дверь.

БАРБАРА. Все так и есть, Вернер, мы не можем пересечь эту солнечную линию, потому что мы не можем пересечь самих себя.

ВЕРНЕР. Потому что эта линия проходит у нас где-то глубоко внутри, да?
БАРБАРА. Наверное, нужно сдохнуть, чтобы она полностью исчезла.
ВЕРНЕР. Так, может, нам сдохнуть, дорогая моя?
БАРБАРА. А если потом окажется, что это не помогло, то что мы будем делать?
ВЕРНЕР. Мы будем лежать в земле и вонять, как два протухших яйца. И этот, еб твою мать, видите ли, Господь Бог поставит в своей записной книжке еще два прочерка напротив наших фамилий.
БАРБАРА. Типа еще у двух вонючих засранцев не получилось, так?
ВЕРНЕР. Точнее и не скажешь.
БАРБАРА. Значит, ничего не поделаешь?
ВЕРНЕР. Ничего, Барбара.
БАРБАРА. Перестать быть собой нам не удастся, а пересечь черту навстречу друг другу мы не можем, потому что для этого нам нужно было бы перестать быть собой.
ВЕРНЕР. И снова этот, еб твою мать, бесконечный круг.
БАРБАРА. Потому что мы – это только мы, да? Ты и я.
ВЕРНЕР. Мы – это только мы, Барбара, лучше и не скажешь.
БАРБАРА. Да, мы – это только мы, Вернер.

Молчание.

Вернер медленно поднимается на ноги. Стоит, слегка пошатываясь из стороны в сторону.

ВЕРНЕР. У твоей матери есть двоюродная сестра?
БАРБАРА. Есть, и даже две.
ВЕРНЕР. Как зовут одну из них?
БАРБАРА. Какую, старшую или младшую?
ВЕРНЕР. Не важно. Просто как ее зовут?
БАРБАРА. Одну из них зовут Зоя. Что ты там опять придумал, Вернер?
ВЕРНЕР. Она еще жива?
БАРБАРА. Да, она жива. Что ты там опять придумал, Вернер?
ВЕРНЕР. У моего отца был двоюродный брат, его звали Зигмунд. Правда, его уже нет в живых, но сейчас это не важно, потому что он все равно вдруг захотел прямо сейчас поговорить с этой Зоей.
БАРБАРА. Что ты придумал, Вернер?

Вернер медленно подходит к стулу возле стола и устало садится.

ВЕРНЕР. Я хочу, чтобы двоюродный брат моего отца Зигмунд прямо сейчас переговорил с двоюродной сестрой твоей матери Зоей. Привет, Зоя. Я Зигмунд. Могу я прямо сейчас переговорить с тобой?
БАРБАРА. Прямо сейчас нет, потому что я в туалете.
ВЕРНЕР. Хорошо, я подожду. Надеюсь, что это не надолго.
БАРБАРА. Не знаю, возможно, что это и надолго. Я тут, видишь ли, объелась неспелой черешни, так что вот уже почти час не могу слезть с горшка.
ВЕРНЕР. Я готов ждать, Зоя. Делай свои дела, я буду тут, рядом с дверью.
БАРБАРА. Делай свои дела, Вернер, ну надо же?!
ВЕРНЕР. Я Зигмунд, Зоя.
БАРБАРА. Ну хорошо, Зигмунд, сейчас я закончу все свои дела с этой проклятой черешней, застрявшей у меня в жопе, и приду.

Молчание.

Барбара медленно поднимается на ноги. Идет к столу, садится напротив Вернера.

БАРБАРА. Проклятая черешня, и зачем я только ела ее на голодный желудок?!

ВЕРНЕР. Спасибо, что согласились переговорить со мной, Зоя. Я буду краток.

БАРБАРА. Честно признаюсь, я сейчас не совсем в хорошей физической форме...

ВЕРНЕР. Не стоит извиняться, Зоя, все в порядке. Ну так вот...

БАРБАРА. Но как вы узнали, что я здесь, Зигмунд?

ВЕРНЕР. У меня с собой компас, Зоя, поэтому я просто все время шел на север, пока, наконец, не пришел к вам в туалет.

БАРБАРА. О! Да вы настоящий мужик-путешественник, Зигмунд. Всегда носите при себе компас, это так по-мужски.

ВЕРНЕР. Ну так вот, Зоя. Я человек прямой и не люблю лишних сантиментов.

Вы обворожительная паршивая сучка, и при этом еще не совсем выжившая из ума.

А я мерзкий вонючий козел, но при этом еще способный на кое-что более серьезное, чем только лишь смотреть женскую художественную гимнастику по телевизору.

БАРБАРА. Да вы просто кабан, Зигмунд.

ВЕРНЕР. Ок, пускай я кабан, Зоя. Но сейчас я хотел бы поговорить не об этом.

БАРБАРА. Не об этом?

ВЕРНЕР. Не о том, что я кабан, Зоя.

БАРБАРА. Да?! Ох, как интересно, а о чем же мы еще можем с вами поговорить, Зигмунд, если не о том, что вы кабан?

ВЕРНЕР. Я хочу поговорить с вами о вашей легкости.

БАРБАРА. В чем дело, Зигмунд?

ВЕРНЕР. Дело в том, что вы необыкновенно легки, Зоя.

БАРБАРА. Вы имеете в виду мой вес?

ВЕРНЕР. Я имею в виду ваш взгляд. Сквозь ваши глаза проступает нечто такое поистине удивительно легкое. Наверное, это потому, что там у вас внутри почти что ничего, ничего нет, и в то же самое время там у вас внутри есть все, что мне нужно.

БАРБАРА. Сейчас вы меня смущаете, Зигмунд.

ВЕРНЕР. И поэтому вы снова излучаете эту легкость. Вы верите моим словам, Зоя?

БАРБАРА. Сейчас в ваших словах столько смелости.

ВЕРНЕР. Вы, Зоя, судя по всему, являетесь мерзкой сучкой, а я, как вы, наверное, уже заметили, являюсь обыкновенным сраным мудаком. Но в том, как вы плачете по

ночам, присутствует такой невероятный запах. Ваши слезы источают такой запах!

Такую легкость! Такую, еб твою мать, легкость! И вся моя жизнь, оказывается,

подчиняется только одной-единственной цели – ощущать эту легкость.

Вернер и Барбара встают. Стоят напротив друг друга посреди кухни.

БАРБАРА. Кто бы мог подумать, что вы такой смелый, Зигмунд?

ВЕРНЕР. Кто бы мог подумать, что в вас столько легкости, Зоя.

БАРБАРА. Вы такой смелый!

ВЕРНЕР. Вы такая легкая!

БАРБАРА. Такой смелый!

ВЕРНЕР. Такая легкая!

БАРБАРА. Уверенно стоишь на ногах и смотришь прямо в глаза.

ВЕРНЕР. Открыта ко всему.

БАРБАРА. Даришь столько силы.

ВЕРНЕР. Уважения к самому себе.

БАРБАРА. Ничего не требуешь и освобождаешь.
ВЕРНЕР. Ни от кого не зависишь.
БАРБАРА. Чувствуешь бесконечную благодарность.
ВЕРНЕР. Ни на что не надеешься.
БАРБАРА. И всегда все имеешь.
ВЕРНЕР. Чувство собственного достоинства.
БАРБАРА. И всегда добр.
ВЕРНЕР. И всегда верна.
БАРБАРА. И всегда самостоятелен.
ВЕРНЕР. И всегда свободна.
БАРБАРА. И всегда надежен.
ВЕРНЕР. А знаешь, что, Барбара?
БАРБАРА. Что, Вернер?
ВЕРНЕР. А ты ведь, дорогая моя, просто брильянт.

Долгое молчание.

Занавес

Мюнхен, 15 июля 2015 г.